

УДК 34

Общественный характер исключительных прав на наименования места происхождения товаров

Солод Вадим Юрьевич

Соискатель,
кафедра промышленной собственности и средств индивидуализации,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
117279, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55-а;
e-mail: vadimsolod@gmail.com

Аннотация

В данной статье рассмотрены проблемы, связанные с особенностями применения исключительных прав в отношении наименований места происхождения товаров в предпринимательской деятельности. Отмечено, что современное состояние коммерческого оборота объектов интеллектуальной собственности объективно требует закрепления в специальном законе четких положений относительно исключительных прав владельцев на результаты их интеллектуальной деятельности. Автор приходит к выводу, что условия коммерческого оборота сложных объектов интеллектуальной собственности, использующих географические наименования, подтверждают гипотезу о том, что исключительное право на них ограничено, приобретает общественный характер и служит прежде всего для донесения до потребителей информации о конкретном географическом регионе, а также для ограничения производства товара с НМПТ границами этой географической территории. Вопрос с исключительными правами на средства индивидуализации, использующими географическое наименование, нуждается в дальнейшей глубокой теоретической проработке с участием представителей Роспатента, государственных надзорных органов, ведущих специалистов в области гражданского права и интеллектуальной собственности.

Для цитирования в научных исследованиях

Солод В.Ю. Общественный характер исключительных прав на наименования места происхождения товаров // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 5А. С. 177-185.

Ключевые слова

Интеллектуальная собственность, исключительные права, наименование места происхождения товара, географическое указание, общее право, публичное право, право собственности, особые свойства товара.

Введение

В российской юридической литературе в последнее время имеет место дискуссия относительно применения положений о праве собственности в области интеллектуальных прав. Между тем, по замыслу статьи 1226 Гражданского кодекса Российской Федерации, на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации признаются *субъективные* интеллектуальные права – как имущественные исключительные, так и личные неимущественные, в том числе право следования и право доступа, в случаях, когда это предусмотрено ГК РФ [Гражданский кодекс Российской Федерации, 2006]. Это положение также закреплено в основных регламентирующих документах и правоприменительной практике Суда по интеллектуальным правам.

Современное состояние коммерческого оборота объектов интеллектуальной собственности объективно требует закрепления в специальном законе четких положений относительно исключительных прав владельцев на результаты их интеллектуальной деятельности. Особенно это важно при обсуждении вопросов, связанных с появившимися сегодня возможностями создания объектов интеллектуальных прав искусственным интеллектом, а также новеллой в виде отнесения нематериальных активов к категории «имущество».

Эта позиция подтверждается, в частности, прецедентным решением 9-го Арбитражного апелляционного суда по делу № А40-12668/2017, в котором суд впервые признал криптовалюту имуществом, на которое может быть обращено взыскание в случае банкротства ее владельца [Решение 9-го Арбитражного апелляционного суда по делу № А40-12668/2017, [www](#)].

В свое время в российской юридической практике такую же большую дискуссию вызвало применение модели *виндикационного* иска для обеспечения судебной защиты вещных прав обладателей бездокументарных ценных бумаг, что, по мнению ряда специалистов, было вызвано тем, что существовавшая правовая доктрина не смогла предложить иного решения, которое удовлетворяло бы существующим потребностям практики [Мурзин, 1998].

И с этим трудно не согласиться. Как известно, исключительное интеллектуальное право – это *имущественное право* правообладателя (физического или юридического лица) использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации по своему усмотрению любым не противоречащим законом способом (ст. 1229 ГК РФ). Это право устанавливается на любой результат интеллектуальной деятельности и средство индивидуализации (ст. 1225 ГК РФ). Теория гражданского права предусматривает наличие в структуре субъективного интеллектуального права основных полномочий в виде:

- права владельца на собственные действия (производить, продавать, распространять и т.д.);
- использования договорной формы регулирования, для чего, в свою очередь, обязательным условием является равенство сторон правоотношений;
- преобладания диспозитивных норм, которые предусматривают определенный вариант поведения субъектов правоотношений, предоставляют им определенную самостоятельность, позволяющую регулировать отношения по собственному усмотрению и т.д.

Однако на практике основным является наличие *запретительного права*, то есть законной возможности требовать от обязанного лица совершения определенных действий либо воздержания от их совершения.

Таким образом, в исключительном праве в качестве детализации основного правомочия на собственные действия, то есть права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, выделяется право использования и распоряжения, которые

являются основным характеризующим признаком правовой охраны результата собственной интеллектуальной деятельности его владельца.

Основное содержание

Наименование места происхождения товара в соответствии со ст. 1516 ГК РФ относится к охраняемым объектам интеллектуальной собственности, а значит, на них также распространяются положения ГК РФ о наличии у его владельца исключительных прав.

В специальном законе их наличие у владельца связано с необходимостью определения особых свойств товара, а также установления требования об обязательной государственной регистрации такого средства индивидуализации с учетом особой связи этих свойств с конкретной географической территорией и/или людскими навыками. Объектом такого использования является сам результат деятельности, а право на него является объектом распоряжения, но на практике, как мы знаем, одно и то же наименование места происхождения товара может быть зарегистрировано как одним, так и несколькими субъектами предпринимательской деятельности (п. 1 ст. 1518 ГК РФ) при обязательном соблюдении ими конкретных условий, изложенных в первичном свидетельстве о регистрации.

В соответствии с последними опубликованными данными Роспатента в России только российских наименований места происхождения товара (далее – НМПТ) зарегистрировано 135, в том числе:

- НМПТ № 2 «Гжель» – 13 владельцев свидетельств (в настоящее время 5 свидетельств прекратили действие, по двум истек срок действия);
- НМПТ «Ессентуки минеральная вода» – 61 владелец (действует 43 свидетельства),
- НМПТ № 27 «Вологодское масло» – 11 владельцев свидетельств и т.д. [ФИПС. Информационные ресурсы. Открытые ресурсы..., www].

Решением Роспатента несколько крупных производителей минеральной воды ООО «УЗРМВ "Аква-Вайт"», ЗАО «Водная компания "Старый источник"», ООО «Объединенная водная компания», всего 19 различных предприятий, лишены возможности дальнейшего использования свидетельств на НМПТ «Ессентуки № 4», «Ессентуки № 17» в связи с тем, что они не имеют доступа к минеральной воде Ессентукского месторождения [Девятнадцать производителей минеральной воды лишились права использовать наименование «Ессентуки», www].

Иными словами, наличие «совместного свидетельства» на использование НМПТ не устраняет существующих ограничений на его самостоятельное использование, отчуждение или получение отдельного свидетельства о государственной регистрации объекта, несмотря на наличие нормы ГК РФ о том, что исключительное право использования НМПТ каждым из участников соглашения является самостоятельным (п. 4 ст. 1229 ГК РФ). Это наличие любого числа правообладателей НМПТ, даже при соблюдении ими установленных условий применения, на практике объективно ограничивает исключительные права запрета использования другими обладателями свидетельства на это НМПТ для предприятий, осуществляющих производственную деятельность на одной географической территории, что неизбежно приводит к конфликтам между ними.

Однако существуют и положения п. 3 ст. 1227 ГК РФ, которые не допускают отнесения к интеллектуальным правам положения о вещных правах, если только это прямо не установлено в разделе ГК РФ «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации».

Как отмечают в своих работах О.А. Городов, Э.П. Гаврилов, Е.А. Данилина, А.Д. Корчагин, Г.И. Тыцкая, исключительное право может проявляться только в абсолютных правоотношениях, оказывая влияние и создавая обстоятельства для любых третьих лиц [Гаврилов, Данилина, 2006, www].

Получается, что исключительные права разных правообладателей на одно НМПТ не являются абсолютными, и, следовательно, право пользования НМПТ *в определенном смысле не носит исключительного характера*.

Как известно, исключительное право на пользование НМПТ связано прежде всего с территорией, географическим объектом, населенным пунктом, соответствующим месту происхождения, и не может быть передано производителю из другой местности. В противном случае эта передача вводила бы потребителя в заблуждение относительно истинного места происхождения товара и ставила бы под сомнение уникальность его потребительских свойств, непосредственно связанных с данной конкретной территорией.

Таким образом, право использования НМПТ ограничено, поскольку оно неотчуждаемо, что свойственно неимущественным правам, и по сути своего практического правоприменения *не может считаться исключительным*.

Административные регламенты и инструкции, регулирующие регистрацию НМПТ и его последующее использование, практически нивелируют право распоряжения наименованием между субъектами предпринимательства, в том числе зарегистрированными на одной географической территории. Заключение лицензионного договора с владельцем такого свидетельства вообще лишено практического смысла, так как любое предприятие или индивидуальный предприниматель могут получить самостоятельное право на его использование, подав в ведомство заявку, оформленную соответствующим образом.

То есть исключительное право в данном случае приобретает *общественный характер* и служит прежде всего для информирования потребителей о существовании такой географической области (местности, объекте), а также для ограничения производства товара с НМПТ границами отдельной географической территории.

Определенной особенностью приобретения таких прав является и то, что в отличие, например, от товарного знака или авторских прав на литературное произведение, правообладатели свидетельства на НМПТ при его регистрации не используют *собственные* результаты интеллектуальной деятельности.

Они (результаты), охраняемые в качестве наименования места происхождения товара, преимущественно относятся к уже существующим, созданным на основе достижений прошлых поколений. Более того, обязательным условием для предоставления правовой охраны такому наименованию как раз является наличие у товара определенной репутации, которая складывается в течении достаточно длительного времени.

Таким образом, предметом регистрации права при получении свидетельства на НМПТ де-факто являются объекты, формально относящиеся к *общественной собственности*, в случае с традиционными знаниями – к *национальному достоянию страны*, что только подтверждает публичный характер права пользования этими средствами индивидуализации товара.

Эта позиция, как ни странно, подтверждается и положениями Гражданского кодекса РФ, изложенными в абз. 4 п. 2 ст. 256 «Общая собственность супругов»: «исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, принадлежащее автору такого результата (ст. 1228), не входит в общее имущество супругов. Однако доходы, полученные от использования такого результата, являются совместной собственностью супругов, если брачным договором не предусмотрено иное». При этом существующая судебная практика делает исключение и

относит такой результат к общему имуществу супругов в случае, если он приобретен за счет их общих доходов и может наследоваться с учетом правил статьи 1150 ГК РФ. Однако эти допущения очевидно являются оценочными и зависящими от конкретных обстоятельств в каждом рассматриваемом случае. Подобное толкование положений специального закона свидетельствует о превалировании экономической ценности рассматриваемого имущества в ущерб пониманию того, что оно является *особым объектом интеллектуальных прав*.

Наименование места происхождения товара по своей сути призвано реализовывать ряд задач, в том числе:

- информирование о наличии на конкретной географической территории уникальных природных ресурсов, материалов, традиционных знаний, людских ресурсов и т.д.;
- выделение неких товаров, использующих географическое наименование, среди аналогичных;
- запрет на производство товаров с аналогичными потребительскими свойствами за пределами указанной географической территории и др.

Но, поскольку исключительное право на обозначение происхождения товара не предоставляется каждому производителю аналогичного товара на этой географической местности, тем самым оно обретает общее для них значение.

Одновременно, как можно предположить, право частное, ставшее общим, переходит в категорию публичного, когда особые потребительские свойства товара, тесно связанные с местом происхождения через посредство своей известности, обуславливают и известность самой местности.

В этой связи трудно не согласиться с мнением одного из ведущих специалистов в вопросах правовой защиты объектов интеллектуальной собственности Е.А. Данилиной о том, что через обозначение места происхождения происходит выявление товара, издавна там производимого и ставшего результатом традиционного промысла. Напомню, что речь идет о 300 различных ремеслах, которые поддерживаются в России на государственном уровне. Полагаю, что в этом случае право на обозначение происхождения также начинает играть *публичную* роль, делая широко известными сами производимые товары и одновременно закрепляя тем самым традицию их производства в конкретном географическом регионе [Гаврилов, Данилина, 2004].

Такая позиция, по сути, поддерживается и Роспатентом. Многие специалисты в области интеллектуальной собственности обращают внимание на тот факт, что по ряду свидетельств на НМПТ, относящихся к результатам народных промыслов или исторически сложившихся производств, ведомство не аннулирует свидетельства, даже в случае, когда срок их использования, предусмотренный административным регламентом, истек. В государственном реестре по-прежнему присутствуют наименования, по которым сегодня фактически нет правообладателя.

Таким образом, фактическое отсутствие исключительного права на наименование места происхождения товара не позволяет рассматривать его как самостоятельный объект интеллектуальной собственности.

Очевидные сложности при предоставлении правовой охраны НМПТ привели к необходимости внести изменения в существующую редакцию части 4 Гражданского кодекса РФ. Внесенный в Государственную Думу и уже прошедший второе чтение *законопроект № 50994-7* [Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ, www] предусматривает следующие изменения в специальном законе:

- определение географического указания как обозначения, которое позволяет идентифицировать товар как происходящий с территории географического объекта, при этом

определенное качество, репутация или другие характеристики товара в значительной степени определяются его географическим происхождением;

– возможность зарегистрировать географическое указание одним или более гражданами, одним или несколькими юридическими лицами, а также ассоциацией (союзом) или другими объединениями лиц, создание и деятельность которых не противоречит законодательству страны происхождения товара;

– определение требований, необходимых для государственной регистрации географического указания, порядка регистрации, содержания и действия исключительного права и других особенностей гражданско-правового режима названного объекта;

– предполагаются некоторые изменения отдельных особенностей правового режима НМПТ, в том числе требования в отношении НМПТ об осуществлении всех стадий производства на территории соответствующего географического объекта, введение подачи на регистрацию НМПТ одновременно несколькими лицами и др.;

– предполагается, что правовая охрана в качестве географического указания не будет предоставляться обозначению, которое ранее уже было зарегистрировано как НМПТ в отношении товара того же вида, и наоборот.

Одновременно планируется внести изменения в ст. 1 и 231 Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» [там же]. Как известно, в этом федеральном законе используются термины «защищенное географическое указание» и «защищенное наименование места происхождения», которые в действующей редакции части 4 ГК РФ отсутствуют.

Если судить по первоначальной редакции законопроекта, то между существующим термином НМПТ и предлагаемым – географическое указание отсутствует принципиальная разница: оба средства индивидуализации представляют собой словесные обозначения с географическим смыслом, подлежат регистрации, могут одновременно принадлежать различным юридическим и физическим лицам и пр.

Географическое указание в качестве родовой травмы получает и все существующие у наименования места происхождения товара проблемы, в том числе связанные с ограничением в применении исключительных прав, о чем говорилось выше.

Председатель Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству П.В. Крашенинников подчеркивает, что лицам, зарегистрировавшим географическое указание, предоставляется исключительное право его использования (при условии, что товар обладает заявленными характеристиками). В случае, если оно предоставлено объединению лиц, право использования предоставляется каждому члену этого объединения, включенному в Государственный реестр.

Заключение

Таким образом, современное состояние коммерческого оборота объектов интеллектуальной собственности объективно требует закрепления в специальном законе четких положений относительно исключительных прав владельцев на результаты их интеллектуальной деятельности. Благая цель – смягчить требования к регистрации НМПТ, что, по мнению законодателей, должно способствовать развитию новых направлений в региональных экономиках, по сути дела, приводит к путанице в основных понятиях интеллектуальной собственности и практически сводит на нет усилия государственных структур по сохранению,

например, исторических производств, народных промыслов как важнейшей части культурного ландшафта страны. Многие специалисты сводят существующую проблему к формулировкам, что, конечно же, важно в юриспруденции, но представляется явно недостаточным.

Вопрос с исключительными правами на средства индивидуализации, использующими географическое наименование, нуждается в дальнейшей глубокой теоретической проработке с участием представителей Роспатента, государственных надзорных органов, ведущих специалистов в области гражданского права и интеллектуальной собственности.

Библиография

1. Блинец И.А., Зимица В.А., Тыцкая Г.И. Право интеллектуальной собственности. Международно-правовое регулирование. М.: Юрайт. 2019. 252 с.
2. Гаврилов Э.П., Данилина Е.А. Комментарий к закону Российской Федерации «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров». М.: Экзамен, 2004.
3. Гаврилов Э.П., Данилина Е.А. Практика охраны наименований мест происхождения товаров: что изменилось? // Патенты и лицензии. 2006. № 1. С. 3-13. URL: <http://www.ipc.arbitr.ru>
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Российская газета. 2006. № 289.
5. Девятнадцать производителей минеральной воды лишились права использовать наименование «Ессентуки». URL: <http://national-expertise.ru/blog/0335/>
6. Дорохин С.В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2002.
7. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с изм. от 21.07.2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31.
8. Мурзин Д.В. Ценные бумаги – бестелесные вещи: правовые проблемы современной теории ценных бумаг. М.: Статут, 1998. 176 с.
9. О внесении изменений в часть IV Гражданского кодекса Российской Федерации: законопроект № 509994-7. URL: <http://www.duma.gov.ru>
10. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: федер. закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ. URL: <http://www.legalact.ru>
11. Решение 9-го Арбитражного апелляционного суда по делу № А40-12668/2017. URL: <http://www.arbitr.ru>
12. Сарбаш С.В. Элементарная догматика обязательств. М.: Статут, 2017. 335 с.
13. Сергеев А.П. Ограничение исключительных прав по законодательству Российской Федерации: в поисках разумного баланса интересов. URL: <http://www.zakon.kz>
14. Скрябин С.В. Некоторые проблемы соотношения публичного и частного права при регулировании отношений собственности // Материалы научно- практической конференции «Гражданское право в системе права». Алматы, 2007. С. 285.
15. Солод В.Ю. Правовая охрана наименования места происхождения товара в предпринимательской деятельности. М.: Книжный мир, 2018. 152 с.
16. ФИПС. Информационные ресурсы. Открытые ресурсы. Реестр наименований мест происхождения товаров (НМПТ) Российской Федерации. URL: <http://www.fips.ru>

Social nature of exclusive rights to the appellations of origin

Vadim Yu. Solod

PhD Applicant,
Department of Industrial Property and Means of Individualization,
Russian State Academy of Intellectual Property,
117279, 55-a, Miklouho-Maclay st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vadimsolod@gmail.com

Abstract

This article discusses the problems connected with the features of the use of exclusive rights to appellations of origin in business activities. There is a discussion about the application of provisions on the right of ownership in the field of intellectual rights in the Russian legal literature. The author of this article notices that the current state of the commercial turnover of objects of intellectual property objectively requires fixing in the special law of clear provisions regarding the exclusive rights of owners to the results of their intellectual activity. The author concludes that the terms of the commercial turnover of complex objects of intellectual property that use geographic names confirm the hypothesis that the exclusive right to them is limited, becomes public in nature and serves primarily to convey to consumers information about a specific geographic region, as well as to restrict the production of goods with the appellations of origin by the boundaries of this geographic territory. The issue of exclusive rights to means of individualization using the geographic name requires further in-depth theoretical study with the participation of representatives of Rospatent, state supervisory authorities, leading experts in the field of civil law and intellectual property.

For citation

Solod V. Yu. (2019) Obshchestvennyi kharakter isklyuchitel'nykh prav na naimenovaniya mesta proiskhozhdeniya tovarov [Social nature of exclusive rights to the appellations of origin]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 9 (5A), pp. 177-185.

Keywords

Intellectual property, exclusive rights, appellations of origin, geographical indication, common law, public law, right of ownership, special properties of goods.

References

1. Bliznets I.A., Zimina V.A., Tytskaya G.I. (2019) *Pravo intellektual'noi sobstvennosti. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie* [Intellectual property law. International legal regulation]. Moscow: Yurait Publ.
2. *Devyatnadsat' proizvoditelei mineral'noi vody lishilis' prava ispol'zovat' naimenovanie "Essentuki"* [Nineteen manufacturers of mineral water lost their right to use the name "Essentuki"]. Available at: <http://national-expertise.ru/blog/0335/> [Accessed 16/05/19].
3. Dorokhin S.V. (2002) Delenie prava na publichnoe i chastnoe: konstitutsionno-pravovoi aspekt. Dokt. Diss. Abstract [The division of law to public and private: the constitutional and legal aspect: author. Doct. Diss. Abstract]. Moscow..
4. FIPS. *Informatsionnye resursy. Otkrytye resursy. Reestr naimenovanii mest proiskhozhdeniya tovarov (NMPT) Rossiiskoi Federatsii* [FIPS. Informational resources. Open resources. Register of names of the origin of goods of the Russian Federation]. Available at: <http://www.fips.ru> [Accessed 12/05/19].
5. Gavrilov E.P., Danilina E.A. (2004) *Kommentarii k zakonu Rossiiskoi Federatsii "O tovarnykh znakakh, znakakh obsluzhivaniya i naimenovaniyakh mest proiskhozhdeniya tovarov"* [Commentary on the law of the Russian Federation "On trademarks, service marks and appellations of the origin of goods"]. Moscow: Ekzamen Publ.
6. Gavrilov E.P., Danilina E.A. (2006) *Praktika okhrany naimenovanii mest proiskhozhdeniya tovarov: chto izmenilos'?* [The practice of protecting the appellations of origin of goods: what has changed?]. *Patenty i litsenzii* [Patents and licenses], 1, pp. 3-13. Available at: <http://www.ipc.arbitr.ru> [Accessed 12/05/19].
7. *Grazhdanskiy kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' chetvertaya) ot 18.12.2006 № 230-FZ (red. ot 29.12.2017)* [Civil Code of the Russian Federation (part four) of December 18, 2006 No. 230-ФЗ (as amended on December 29, 2017)] (2006). *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 289.
8. *Konstitutsiya Rossiiskoj Federatsii ot 12 dekabrya 1993 g. (s izm. ot 21.07.2014 g.)* [Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 (as amended on July 21, 2014)] (2014). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected legislation of the Russian Federation], 31.

9. Murzin D.V. (1998) *Tsennye bumagi – bestelesnye veshhi: pravovye problemy sovremennoi teorii tsennykh bumag* [Securities – disembodied things: the legal problems of the modern theory of securities]. Moscow: Statut Publ.
10. *O gosudarstvennom regulirovanii proizvodstva i oborota etilovogo spirta, alkogol'noi i spirtosoderzhashhei produktsii i ob ogranichenii potrebleniya (raspitiya) alkogol'noi produktsii: feder. zakon ot 22.11.1995 № 171-FZ* [On state regulation of the production and circulation of ethyl alcohol, lcoholic and Alcohol-Containing Output and on Limitation of Consumption (Drinking up) of Alcoholic Output: Federal Law No. 171-FZ of November 22, 1995]. Available at: <http://www.legalact.ru> [Accessed 19/05/19].
11. *O vnesenii izmenenii v chast' IV Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: zakonoproekt № 509994-7* [On amendments to part IV of the Civil Code of the Russian Federation: Draft Law No. 509994-7]. Available at: <http://www.duma.gov.ru> [Accessed 12/05/19].
12. *Reshenie 9-go Arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda po delu № A40-12668/2017* [Decision of the 9th Arbitration Court of Appeal in case No. A40-12668 / 2017]. Available at: <http://www.arbitr.ru> [Accessed 12/05/19].
13. Sarbash S.V. (2017) *Elementarnaya dogmatika obyazatel'stv* [Elementary dogmatism of obligations]. Moscow: Statut Publ.
14. Sergeev A.P. *Ogranichenie isklyuchitel'nykh prav po zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii: v poiskakh razumnogo balansa interesov* [Restriction of exclusive rights under the laws of the Russian Federation: in search of a reasonable balance of interests]. Available at: <http://www.zakon.kz> [Accessed 11/05/19].
15. Skryabin S.V. (2007) *Nekotorye problemy sootnosheniya publichnogo i chastnogo prava pri regulirovanii otnoshenii sobstvennosti* [Some problems of the relationship between public and private law in the regulation of property relations]. *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii "Grazhdanskoe pravo v sisteme prava"* [Proc. Conf. "Civil Law in the System of Law"]. Almaty, p. 285.
16. Solod V.Yu. (2018) *Pravovaya okhrana naimenovaniya mesta proishozhdeniya tovara v predprinimatel'skoi deyatel'nosti* [Legal protection of the appellation of origin of the goods in business activities]. Moscow: Knizhnyi mir Publ.